

я получилъ третью премію — награду въ 25 рублей. Молодежь встрѣчала меня уже не съ хохотомъ, а молчаливо и съ удивленіемъ; иные были рады за меня, иные остались недовольны... Между послѣдними оказался и тотъ пріятель, съ которымъ у меня былъ споръ о художествѣ; онъ на этотъ разъ получилъ первую премію, а затѣмъ мы окончательно разошлись, и не безъ шума. Чѣмъ я дольше живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что очень многіе не терпятъ около себя равной величины — убѣждаюсь и сожалею, что это такъ.

Счастье стало мнѣ улыбаться. Послѣ названнаго маленькаго удовольствія, я испыталъ большее — случайно познакомился съ В. В. Стасовымъ. Его всѣ знаютъ; рѣдко кто имѣетъ столько враговъ, какъ онъ, потому что рѣдко кто говоритъ такъ рѣзко и откровенно другимъ то, что думаетъ и чувствуетъ. Онъ высокъ ростомъ; лицо его, окаймленное густою бородою, энергично-выразительно; движенія быстры и полны жизни. Онъ не терпитъ сантиментальности и въ особенности фальши, и высказываетъ это всѣмъ, не обращая вниманія на послѣдствія. Часто увлекается со всею горячностью своей натуры, и самъ сознаетъ это, но прибавляетъ: „иначе нельзя, не разбудишь“... Недавно еще, кажется, въ день его рожденія, Ропетъ поднесъ ему что-то въ родѣ эмблемы, изображавшей шпоры и спички. И дѣйствительно, рѣдко кто можетъ такъ пламенно возбуждать художественный интересъ. Можетъ быть, многіе съ нимъ не согласны, но, безъ сомнѣнія, онъ будитъ. Когда личныя страсти улягутся, когда явится судъ безпристрастный и увидитъ, что было сдѣлано въ его время въ русской школѣ и какое живое участіе онъ принималъ во всемъ томъ, что просыпалось, тогда у него будетъ болѣе друзей, чѣмъ теперь враговъ.

Въ библіотекѣ, гдѣ я встрѣтилъ въ первый разъ Стасова, былъ въ то же время и нашъ лекторъ Горностаевъ, который высказался противъ моего эскиза: „Нападеніе инквизиціи на евреевъ“. Какъ только В. В. узналъ, въ чемъ дѣло, онъ сталъ доказывать противное, и завязался споръ, одинъ изъ тѣхъ споровъ, которые потомъ такъ часто повторялись между нами письменно и словесно. Послѣ перваго знакомства, я побывалъ у него на дому и, конечно, поспорилъ съ увлеченіемъ, такъ что когда, прощаясь, я случайно увидалъ себя въ зеркалѣ, то себя не узналъ: лицо мое было краснѣе красной рубахи Стасова. Мнѣ стало стыдно, я далъ себѣ слово болѣе не спорить, и не сдержалъ его.

Въ эту зиму я былъ приглашенъ къ одной почтенной дамѣ, пожелавшей имѣть деревянное распятіе моей работы. По этому